

Роза Хуснутдинова

Инна Генс с Кутузовского проспекта

(Опубликовано в журнале «Знамя» 2006, N 11)

От автора | Когда какой-нибудь человек нравится мне, удивляет, восхищает или трогает, хочется написать о нем сказку. В пространстве сказки личность человека, его сущность, проявляется ярче, жизненные обстоятельства складываются более счастливо, талантливо, чем в реальности...

Инна Генс, искусствовед, автор нескольких книг о кино, напоминающая своим обликом то ли Джульетту Мазину, то ли Лайзу Минелли (по мнению одной из приятельниц), маленькая, с коротко стриженными черными волосами, с неиссякаемой жаждой счастья, любви и познания в сияющих зеленых глазах, неподвижно сидела в большой комнате своей квартиры на Кутузовском проспекте в Москве. На стенах висели картины Пиросмани, “Автопортрет” Маяковского, на полу лежал ковер с геометрическим рисунком, сделанный по эскизу самой Надежды Леже. Вообще в комнате, кажется, не было вещи, не связанной с каким-нибудь знаменитым художником, артистом, режиссером. Все это собирал, коллекционировал всю жизнь муж Инны Генс художник и режиссер Василий Катанян, квартира напоминала настоящий музей искусств. Раньше сюда приходили поэты, художники, писатели, подруги-искусствоведки, умнейшая и насмешливая Майя Туровская, красавица грузинка Кора Церетели, друг Василия Катаняна кинорежиссер Сергей Параджанов... Когда была жива знаменитая возлюбленная Владимира Маяковского, живущая в этом доме, приходили поэты — увидеть живую легенду отечественной литературы, почитать ей свои стихи, ведь ее литературный вкус был безупречен..

Инна взглянула на портрет Лили Брик на стене, на ее фотографию с Сергеем Параджановым — последним в искусстве человеком, кем та восхищалась. Да, все это было совсем недавно. Теперь в квартире тихо, никто не звонит, не приходит в гости с цветами в одной руке, с бутылкой грузинского вина в другой... Времена переменились.

В дверь позвонили. Инна поспешила в прихожую, открыла внутреннюю дверь.

— Кто там?

— Из милиции, хотим проверить сигнализацию в квартире.

Инна прильнула к глазку двери. На лестничной площадке стоял человек в милицейской форме. Но кто поручится, что это не переодетый охотник за ценными картинами?

— Я никого не вызывала, — сказала Инна как можно спокойнее.

— Да откройте, мы просто проверим! — настойчиво произнес милиционер.

— Мы? — встревожилась Инна. — Подождите, сейчас я позвоню в охранную службу, уточню...

За дверью слышались шаги, дверь лифта хлопнула. Инна посмотрела в глазок, милиционер за дверью исчез.

Хорошо, что не открыла, подумала Инна.

Она вернулась в комнату, села на диван, вздохнула.

— Ну вот, Вася, во что превратилась моя жизнь, — сказала она, обращаясь к портрету мужа, висящему на стене. — Сижу тут целыми днями, караюлю твою бесценную коллекцию, даже к племяннице не могу съездить, боюсь, взломают квартиру...

Раньше Инна гуляла по вечерам возле дома. Спускалась к пустынной набережной Тараса Шевченко, смотрела, как по узкому каналу плыла к Москва-реке, светясь одиночным фонарем, грузная баржа. Здоровалась со знакомым журналистом, прогуливающим здесь свою породистую собаку, заходила купить сыру в знаменитый “Гастроном” на первом этаже высотки-гостиницы “Украина”. Помнится, когда-то, лет десять назад, она частенько встречала здесь и Сергея Аполлинарьевича Герасимова, живущего в этом же доме.

Но недавно Инна увидела на набережной дикую драку подростков, то ли выпивших, то ли накурившихся чего-то — и перестала выходить на прогулку.

И на Кутузовский проспект выходить не хотелось, здесь то и дело перекрывают движение, по пустынному проспекту, завывая сиренами, мчатся машины с синими мигалками, везущие то ли президента, то ли кого из правительства, то ли важных иностранных гостей.

Инна вздохнула и посмотрела на свою фотографию на стене. Здесь она была запечатлена в роскошной шляпе со свечками, эту шляпу ей подарил сам Параджанов.

И вдруг показалось, что шляпа на фотографии покачнулась. Неподалеку от фотографии висел портрет Лили Брик, с загадочными глазами, с бесчисленными кольцами на темных худых пальцах. Восьмидесятилетняя Лиля Брик сидела в персидской шали необыкновенной красоты, накинутой на плечи, это был один из лучших ее портретов.

И Инне показалось, что Лиля Брик подмигнула с портрета, раз и другой. Что бы это значило?

Инна прилегла на диван, закрыла глаза. А когда через секунду открыла их, увидела, что шляпа с фотографии движется через комнату прямо к ней, опускается ей на голову.

Инна почувствовала, что поднимается с дивана, плывет к раскрытому окну. Со шляпой на голове вылетела во двор, двинулась по направлению к набережной Тараса Шевченко. Вокруг было темно, тихо, в окнах громадного дома кое-где горел свет. Инна пролетела над земляной насыпью, спускающейся к асфальтированной набережной, заскользила над темной поблескивающей от фонарей гладью Москва-реки.

— Вася, лечу! Как летят Марк Шагал и его подруга на витебской картине!
— шепнула Инна. — Но я боюсь!

Тут она почувствовала, что невидимая сильная рука подхватила ее под локоть, увлекла дальше.

— Ты здесь? — прошептала Инна.

Невидимая рука крепче сжала ее локоть, потом отпустила. Инна, уже не боясь, летела над широкой гладью ночной реки, снизу веяло прохладой, свежестью, вдоль набережных слева и справа высились громады картинно подсвеченных знакомых зданий.

Прямо перед Инной плыл катерок, расцвеченный гирляндами с разноцветными лампочками. Из глубины парохода слышались прерывающиеся звуки оркестра, исполняющего волшебную музыку Нина Рота — композитора, так много писавшего для кино.

Инна опустила на палубу, услышала голоса.

— Что за фестиваль авторского кино, на котором нет фильмов ни Иоселиани, ни Бертолуччи! — с возмущением говорил теплый певучий голос Кору Церетели. — Нас обманули! Завлекли на этот фестиваль, где показывают одни коммерческие фильмы, — стрельба, пальба, насилие и убийства! Нет, это не кино!

— Ты абсолютно права! — ответил хриловатый, чуть прокуренный голос другой Инниной подруги, Майи Туровской. — Меня зачем-то вызвали из Берлина, я там заканчивала свою книгу. Считаю, мы здесь бессмысленно тратим время. Ну разве что тебя повидала... Жаль, Инки нет с нами...

— Я здесь! — объявилась Инна, заглядывая в окно каюты.

— Инка! В шляпе Параджанова! Прелесть! Влезай сюда!

Через секунду Инна очутилась на диване в маленькой каюте, в которой уютно пахло французскими духами, коньяком, шоколадом.

— Что за катер? — деловито осведомилась она.

— Устроили фестиваль авторского кино на воде, сейчас это модно, спонсоров тьма, а хороших фильмов нет! — пожаловалась Кора. — Перебиваемся, как можем. Правда, у меня есть на кассете кое-какие материалы, не вошедшие в последний фильм Параджанова, могу показать...

По палубе мимо окон, покачиваясь, прошел матрос в разорванной тельняшке, громко ругаясь по-английски.

— Надо же, наши матросы знают английский! — удивилась Инна.

— Это не наш матрос, а знаменитый американский актер, приглашен на фестиваль как почетный гость. Видела фильм “Десятое измерение”? Он там сто человек убил, сам остался невредимым, — объяснила Кора.

— Не видела, — покачала головой Инна.

— Тебе повезло, — сказала Майя Туровская.

Вслед за матросом по палубе прошла тучная женщина, одетая как для карнавала, в развевающиеся шелка, в шляпу со страусиными перьями. Она картинно дымила сигаретой в длинном серебряном мундштуке. В перерывах между затяжками фальшиво напевала итальянскую арию.

— А это кто? — изумилась Инна.

— Актриса, член жюри, играла предводительницу людоедок в фильме, который принес продюсеру прибыль в двадцать миллионов долларов.

— Не может быть, — покачала головой Инна.

— Ты давно не ездешь на фестивали, — сказала Майя Туровская. — Сейчас многое переменялось.

В дверь постучали. Вошел официант с завитыми волосами, весь в белом, держа перед собой поднос с бутербродами, минеральной водой.

— Воды, бутербродов? — спросил он, улыбаясь заученной официантской улыбкой.

— Метёлкин? Почему ты так одет? Ты же с нашего курса! — изумилась Кора Церетели.

— Маскировка, — смутился Метёлкин. — Устроился официантом, чтобы узнать подробности из жизни кое-кого. Пишу статью в журнал. Обещали хорошо заплатить. Не выдавайте, пожалуйста. Берите бутерброды.

— С икрой можно? — спросила Майя Туровская.

— С икрой — это для членов жюри, а вам — с сыром, — сказал искусствовед-официант.

— Метёлкин, ты далеко пойдешь! Или уже пошел! — неодобрительно сказала Кора и спокойно сняла с подноса все бутерброды с икрой.

— Можешь идти! — царственно кивнула она.

Метёлкин беззвучно удалился.

Выпили по рюмочке грузинского коньяка, закусили шоколадом.

— А помните, какие фильмы показывали раньше на фестивалях! — мечтательно произнесла Кора. — “Не горюй”, “Пастораль”, “Цвет граната”! “Восемь с половиной”, “Ночь” Антониони! С ума можно было сойти!

— Когда я была в Японии, — получала премию за книгу о японском кино, — японцы мне говорили: “О, Инна-сан, Россия — такая великая кинематографическая страна, у вас есть Тарковский, Параджанов, Бондарчук, Чухрай!” — вздохнула Инна.

— А в Германии все жалеют, что умер Фассбиндер! Режиссеров его уровня сейчас нет, — сказала Майя Туровская.— А может, приедете ко мне в Берлин? Я живу у сына, места хватит...

— Дорогая, мы можем ездить только на такие фестивали, где нам оплатят дорогу, ты же знаешь, какое положение сейчас в Грузии! — с горечью сказала Кора Церетели.

— Девочки, а помните, как чудно мы ездили по миру от Союза кинематографистов СССР! — воскликнула Инна Генс. — Помните Каирский музей? А саркофаг Тутанхамона! А дворцы в Луксоре!

— Я помню, как в Индии, ты, Инка, танцевала танец живота перед уличным факиром со змеей! — засмеялась Майя Туровская.

— А ты торговалась в Таиланде с продавцом розового коралла, но все же купила прелестные бусы! — подхватила Инна Генс.

— А как Кора заворачивалась в парчовые ткани в Калькутте! — продолжала она. — Ее все принимали за знаменитую кинозвезду! За красавицу почище Софи Лорен!

— Девочки, вы увлеклись лирикой, — строго прервала их Майя Туровская. — Лучше скажите, что вы делаете, что пишете?

— Я выпустила несколько Васиных книг, — сказала Инна Генс. — О Параджанове, о тех людях, с кем Васе приходилось работать. Эти книги он начал писать давно, без надежды напечатать... С прелестными рисуночками, с коллажами... Теперь, слава богу, печатают...

— А свои книги о кино пишешь? — спросила Майя.

— О сегодняшнем кино писать не хочется, — вздохнула Инна. — Пусть пишут те, кто не считает, что золотой век кино кончился. Боже, как интересно было писать о Куросаве, о “Расёмоне”!

— Когда Михаил Ромм снимал “Обыкновенный фашизм”, я помогала ему и была так счастлива! Подобного в моей жизни уже не случилось, — с грустью призналась Майя Туровская.

— А если б вы знали, какой благородной личностью был Тенгиз Абуладзе! — воскликнула Кора Церетели. — Какого масштаба! Сейчас грузинских режиссеров его уровня просто нет... Есть один парень, может, снимет что-то, но все равно, не сравнить!

Из глубины парходика раздались взрывы смеха, веселые возгласы. На палубу вывалилась компания подвыпивших участников фестиваля с бокалами вина в руках. Метёлкин был тут же, под салфеткой на подносе угадывался портативный магнитофон.

— Скажите, а каков ваш гонорар за последнюю картину? — допытывался один из журналистов у красавца с лиловыми волосами. — Кажется, триста миллионов?

— Это нескромный вопрос, — промяукал тот.

— Скажите, а это ваш седьмой брак или восьмой? — допытывался другой журналист у экстравагантно одетой кинодивы.

— Хочу купаться! Хочу купаться в вашей Москва-реке! — капризно воскликнула дива и бросилась к поручням палубы, разрывая на груди шелковую блузку.

Кто-то кинулся оттаскивать ее от поручней, поднял актрису на руки, шум и бессвязные крики усилились.

— Слушайте, я видела ялик с другой стороны парходика, может, отчалим отсюда? — деловито спросила подруг Майя Туровская.

— Майка, ты гений! — воскликнула Кора Церетели.

Подруги пробрались на тихую, неосвещенную сторону парходика, отвязали спасательный ялик, спустили его на воду. По очереди гребя веслами, благополучно отчалили от буйного пархода.

— Так хочется плавать! — воскликнула Кора Церетели. — Может, поплывем?

— Не стоит! — остановила ее Майя Туровская. — Это не Черное море в районе Поти, а холодная Москва-река в центре столицы. Купаться — опасно для жизни. Давайте, двинемся к причалу.

Причал оказался вблизи Киевского вокзала, возле дома Инны Генс. Остаток ночи провели в ее квартире.

Любовались картинами Пиросмани, Маяковского, здоровались с Василием Катаняном, Сергеем Параджановым, смотрящими со своих портретов и фотографий, пили китайский чай с жасмином и кое-что покрепче.

— А все-таки хотелось бы попасть на какой-нибудь грандиозный фестиваль, посмотреть какую-нибудь чудную картину! — мечтательно вздохнула Инна Генс.

— Сейчас интересны иранские, корейские, китайские фильмы, восточный бум, кажется, скоро откроется кинофестиваль в Гонконге, может, отправиться туда? — задумчиво произнесла Кора Церетели.

— Звучит заманчиво, — хмыкнула Майя Туровская.

Кора достала из сумочки мобильник, позвонила.

— Гиви, ты? Кажется, скоро в Гонконге откроется международный кинофестиваль? Хотела бы отправиться туда вместе с искусствоведами Инной Генс и Майей Туровской. Да, теми самыми, знаменитыми. Спасибо, Гиви! Сообщи о дне вылета, хорошо?

— Всё, девочки, едем в Гонконг! — торжествующе воскликнула она, и яркие глаза ее заблестели, как звезды в августовской ночи.

— Кора! Ты царица Тамар! — восторженно вскричали Инна Генс и Майя Туровская.

— Если я царица Тамар, то где мой Шота Руставели? И где Пиросмани, который напишет меня! — усмехнулась Кора. — Ладно, милые, пора расходиться. Встретимся перед вылетом. Май, ты идешь?

Когда гости ушли, Инна закрыла дверь на железный засов, блаженно вытянулась на диване и сладко зевнула. Посмотрела на фотографию мужа на стене.

— Спасибо, Вася, за прекрасную ночь! — прошептала она и тут же уснула безмятежным сном юной девушки, приехавшей из глухой провинции в столицу, чтобы завоевать ее. И не сомневающейся, что, конечно же, завоеует!

Во сне она пела знаменитое “Кабаре” — как американская актриса Лайзи Минелли, собирала на сцене невидимые цветочки — как итальянская актриса Джульетта Мазина, выступала с докладом в Японии — как искусствовед из России, вместе со своим мужем Василием Катаняном любовалась Парижем, Лондоном, Нью-Йорком... Или это был какой-то другой город.. Но разве так уж важно? Главное, что в этом сне Инна Генс была совершенно счастлива...